

мнение

Татьяна Воеводина
**Портретов
Сталина не
видно...**

стр 2

реформы

Юрий Болдырев
**О реформе по
автономизации
бюджетников**

стр 5

реанимация истории

Юрий Рубцов
**Заградотряды
в РККА**

стр 6

Точка ру

ПОНЯТЬ ПРОШЛОЕ, ОСМЫСЛИТЬ НАСТОЯЩЕЕ, ПЛАНИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ ...

№7
(43)
2010

анализ ситуации

Юрий Крупнов
Закон о бюджетных учреждениях преследует чуждые образованию цели

15 мая, по всей России прошли митинги против принятия закона о бюджетных учреждениях. «Есть вещи, у которых нет цены», – гласили плакаты, с которыми в крупнейших городах страны собрались родители, учителя, работники музеев и медучрежде-

ний. Председатель наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Юрий Васильевич Крупнов считает, что акции прошли несколько четко и организованно, что появилась надежда – если и дальше общественность будет

также отстаивать свои права, то, возможно, что-то и изменится. Без изменений же новый Федеральный Закон в комплексе с демографической ямой и провалом перевода армии на контрактную основу может привести к непредсказуемым последствиям.

стр 4

государство

Сергей Кара-Мурза
**О Законопроекте
№308243-5**

Речь идет о Законопроекте №308243-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

Суть данного законопроекта в том, что с 1 января 2011 года для бюджетных учреждений всех уровней прекращается бюджетно-сметное финансирование.

стр 3

кинорецензия

Михаил Трофименков
**У трех няnek
поп без глаза**

Любой разговор о «Попе» Владимира Хотиненко предваряют высказывания о «неоднозначности» проиллюстрированной фильмом исторической коллизии, «нравственном выборе» героя, угодившего между «большевистским молотом» и «нацистской наковальней». Но, ради бога, что тут «неоднозначного»?

стр 8

Три революции

Дмитрий Лысков
Основной вопрос революции от его зарождения до разрешения

Продолжение. Начало в предыдущем номере ...

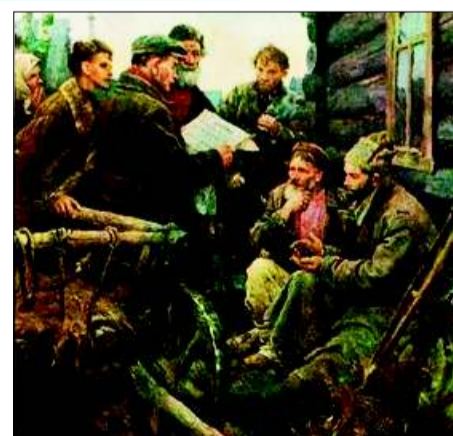
На бытовом уровне аграрный вопрос выражался в безземелии – невозможности для растущей крестьянской массы прокормиться с катастрофически малых наделов, оставшихся у земледельцев после

отмены крепостного права. Решением этой проблемы на доктринальном уровне занимались все российские партии – и левые, и правые.

Буржуазная кадетская партия, тесно связанная с крупными землевладельцами, предлагала наделить крестьян землей за счет государст-

венных, удельных и монастырских земель, при сохранении помещичьего землевладения. Впрочем, кадеты не исключали частичной распродажи крупных имений по «справедливой» – не рыночной, а назначенной государством цене.

стр 7

Информацию о подписке и распространении можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru или по эл. почте redaktor@rossii.ru

Татьяна Воеводина

Портретов Сталина не видно...

В Питере ездит разрисованный автобус с портретом Сталина, а вот в Москве что-то не видно портретов Генералиссимуса. А ведь обещали... Лужков, видно, сдрейфил.

Сталин народу нужен, очень нужен. Причем, во многих смыслах.

Смысл первый: символический.

Каждый исторический деятель со временем превращается в символ. В имя нарицательное. Еще Пушкин сказал: «Мы все глядим в Наполеоны». Но что это значит? А вот что: Наполеон здесь выступает как символ величия и одновременно себлюбия.

Но ведь реальный Наполеон этим не ограничивается. У него было много разных качеств. Например, при нём и по его инициативе был создан очень удачный гражданский кодекс, получивший в истории государства и права название Кодекс Наполеона. Сохранилась его фраза: «Свобода - это хороший гражданский кодекс». Глубокая, между прочим, мысль. Но, говоря «Мы все глядим в Наполеоны», мы не имеем в виду: «Мы все хотели бы усовершенствовать гражданское законодательство».

Был Наполеон и хорошим офицером-артиллеристом, но, говоря «Наполеон», мы меньше всего думаем о стрельбе из пушек.

Точно так же и Сталин. Сегодня он - имя нарицательное. Символ. Чего? Победы русского народа. Величия русского народа. Достижения.

Русскому народу сегодня позарез нужно верить, что он чего-то стоит, что-то может. Что, как ни ничтожно наше положение сегодня, - мы сможем подняться.

А сегодняшнее положение у нас вполне сравнимо с военным: четверть территории потеряли, промышленность - в руинах, население ежегодно уменьшается на миллион. Бомбёжек нет, но пейзаж во многих

местах - как после бомбёжки. Тов. Сталину когда-то удалось переломить ситуацию - и дойти до Берлина. Вот народ и призывает нового Сталина, чтобы переломить сегодняшнюю ситуацию. Тогда, впрочем, было легче: там хотя бы было понятно, кто свой, а кто враг. Сегодня всё не так очевидно...

Известный политолог С. Г. Карамурза в своём интервью верно назвал Сталина знаменем, под которым (как и под всяким знаменем) собираются люди разных верований и убеждений. Их объединяет главная идея: победа русского духа и русского оружия, величие России. Всё это символизирует Сталин. Сталин-символ.

Мы сегодня находимся в глубокой яме. Наше - моё - поколение покрьло себя неуваждающим позором и немеркнущим бесчестьем. Ещё и детям-внукам достанется. Разгребать.

Сидя в яме, хочется верить, что выбраться - возможно. И светит нам образ Генералиссимуса. И кто-то уж готов ринуться в бой «За Родину, за Сталина!»

Но это Сталин в символическом смысле. Есть и другие смыслы.

Смысл второй: практико-политический.

История, конечно, никогда не повторяется дословно. А недословно - повторяется. Как в жизни и судьбе отдельного человека постоянно повторяются однотипные ситуации. Почему? Да потому что их создаёт сам человек своим характером и вытекающим из него поведением. Точно так и народ.

Конечно, точного повторения пригнопамятного 1937-го года, скорее всего, не будет. Но! Если кто-то решится всерьёз, а не на словах, привести в порядок зарвавшуюся «элиту», потребуются опричнина. Просто так - «в правовом поле» - не

получится.

Сталину пришлось расстрелять несколько поколений своих чиновников, прежде чем удалось создать послушный и дееспособный государственный аппарат. Он был основан на страхе? Так точно, на страхе.

А на чём он вообще может быть основан? Государственный человек может руководствоваться двумя (только двумя) мотивами: чувством чести и страхом. Какая сегодня честь - все знают: плюнь в глаза - божья роса. Страх нет: ото всего можно откупиться. Именно поэтому мы имеем то, что имеем. Люди идут на госслужбу строго ради распилов и откатов. Иных мотивов просто нет.

Когда-то Сталин, прилично знавший историю и имевший к ней стойкий интерес, считал, что главным мотивом русской истории была борьба царя с боярами. Как вы думаете, сегодняшние бояре добровольно отдадут наворованное? Может, они сообщат корректному следователю, свято блюдущему УПК, номера своих счетов за границей? Никто вменяемый такой чуши, разумеется, и думать не может. Значит, хочешь - не хочешь, а нужен Сталин. И, страшно выговорить, 1937-й год. Вот в таком смысле многие люди призывают Сталина.

Есть и третий смысл: народный.

Сталин - народный царь. Отец «Отец народов» - и это не подхалимы выдумали, а так чувствовали. Сегодня у народа созрел острый синдром безотцовщины. Покинутости. Нашему народу нужен отец, а не наёмный менеджер. Разница здесь - колоссальная. Отец может быть строгим, даже жестоким, может ошибаться, но он - глава семьи, он - часть семьи. У него нет других целей, кроме целой семьи. Наёмный менеджер может уволиться, наняться к другому хозяину, просто отойти от дел и

отбыть на покой на ранчо. В тёплые страны.

Почему нам, русским, нужен отец, а кому-то - не нужен? Так уж мы устроены. Ну и что? Народы, как и люди, - разные. Кому-то нужна жена, кто-то отлично обходится со случайными подружками, а кто-то живёт одиноко, и тоже ничего себе.

Сегодня простой народ не просто покинут - его словно бы и нет. Есть чиновники, актёры, дизайнеры, мерчендайзеры, гламурные журналисты. А что вы слышали в последнее время о сталеварах, строителях, комбайнерах? Их словно бы и нет. Есть какие-то таджики, которые что-то там копают. А ведь когда-то песни пели: «Руки рабочих создают все богатства планеты», а статуя сталеваров до сих пор стоит недалеко от нашего офиса...

Простому народу, как и вообще каждому человеку, нужна толика уважения. Сегодня его нет. Сегодня простой человек - никто, и звать его никак. Нерасчленённый, неопределённый и никому не интересный low class.

И поэтому сегодня простой человек вспоминает тов. Сталина.

При нём простой человек что-то значил. Он не был винтиком. Кстати, Сталин не называл простых людей винтиками - это придумали потом. В той знаменитой речи он как раз произносил тост за простых людей, у которых мало званий и чинов - за «наших уважаемых товарищей». А сегодня простой человек - ничто. Это опасно, очень опасно, и добром не кончится.

Интересно, что думает товарищ Сталин, глядя с питерского автобуса на нашу жизнь? Говорят, летом 1941-го он в сердцах произнёс: «Ленин оставил нам великое государство, а мы его прос...ли». Вот это, наверное, и думает.

Михаил Хазин

Почему народ требует Сталина

Иногда про нашу страну узнаешь такое, что становится страшно: к семьям погибших на шахте «Распадская» пришли рэкетеры.

Губернатор Кемеровской области Аман Тулеев приказал приставить охрану к семьям погибших и пострадавших на шахте «Распадская». Об этом 24 мая сообщает «Сибирский деловой портал».

К Тулееву обратилась за помощью одна из вдов шахтеров. В своем письме губернатору женщина рассказала, что несколько дней назад к ней домой пришли трое молодых людей. Они потребовали отдать им 500 тысяч рублей из выплат, полагающихся за гибель мужа. В противном случае рэкетеры пообещали сжечь квартиру вдовы либо напасть на ее 15-летнюю дочь.

Преступники сказали женщине, что намерены обложить «данью» не только ее, но и все семьи погибших и пострадавших в результате аварии. Женщина проверила их слова, позвонив другой вдове. Та подтвердила, что к ней домой тоже приходили вымогатели, но обсуждать сложившуюся ситуацию отказалась.

Женщина обратилась в милицию. Там ей показали фотографии членов преступных группировок, и она смогла опознать одного из рэкетиров. Им оказался лидер местной ОПГ «Вокзальские» Дмитрий Ширяев.

Получив письмо вдовы, Аман Тулеев провел совещание, посвященное обеспечению безопасности потерпевших. По итогам совещания губернатор заявил, что глава ГУВД Кемеровской области Александр Елин должен приставить по милиционеру к каждой семье погибшего либо пострадавшего. Кроме того, Тулеев распорядился разыскать вымогателей и привлечь их к уголовной ответственности.

Два взрыва метана произошли на крупнейшей

в РФ угольной шахте «Распадская» 8 мая. В результате несколько десятков шахтеров и спасателей были заблокированы под землей. По состоянию на 24 мая известно о 66 погибших, еще 24 человека считаются пропавшими без вести. Спасательные работы на шахте затруднены из-за высокой концентрации метана и опасности новых взрывов.

А теперь комментарий. **Во-первых**, никакая власть не может допустить таких действий в отношении людей, которые получили от нее помощь. Никто и никогда не смеет трогать эти деньги и этих людей, поскольку они получили их от власти. Либо же она не власть, а просто набор людей, которые уже всё от пострадавших получили и теперь просто хотят от них откупиться.

Во-вторых, то, что предлагает Тулеев - это демагогия. В других сообщениях было сказано, что местная милиция отказалась принимать заявления вдовы, поскольку тот опер, который с ней разговаривал, признал, что бандиты действуют вместе с милицией, и сам предложил написать в блоге губернатора. Теперь этим коррумпированным милиционерам предлагается защищать вдов? Я даже могу сказать, что будет. Как только первого ребенка побьют или покалечат, всё заплатят, а милиционеры-«охранники» получат хорошие премии за бдительность (за исключением того, кто охранял побитого ребенка, ему премию дадут в половинном размере).

В-третьих, любая власть, столкнувшись с такой ситуацией, должна реагировать четко и внятно. Либо немедленно арестовать всех бандитов и руководство милиции и осудить на максимальные сроки (не меньше 15 лет без права сокращения), с выссылкой их семей в отдаленные районы страны с полной конфискацией всего

имущества и сменой имен и фамилий, либо их просто убить. И жестокая власть отличается от мягкой только тем, что первая убьет не только главарей банды, но и часть коррумпированных милиционеров, часть среднего звена и членов семьи руководителей банды. Причем о результатах должна знать вся страна.

В-четвертых, если это не будет сделано, то современное руководство России продемонстрирует, что оно совершенно не контролирует ситуацию в стране и, в общем, не может представлять интересы ее народа. В 1990-е годы такие истории случались, но тогда претензии предъявлять было некому: одна власть уже исчезла, другая - еще не возникла. Но теперь-то наши руководители уверяют, что они власть восстановили. А на деле? Результаты такого отказа от своих обязанностей (а власть - это в первую очередь обязанности) в истории известны, и они всегда были однозначны. А народ видит отсутствие власти и категорически требует вернуть ее на место. Причем ассоциируется она именно со Сталиным. Так что дело тут не лично в Сталине и в его действиях - он, в некотором смысле, тут вообще не при чем, - а в тех людях, которые, сидя в Москве, не в состоянии эту власть проявить.

В-пятых. Нравится это кому-то или нет, но те, кто сегодня осуждает Сталина, в глазах народа почти автоматически становятся приспешниками московских коррупционеров и междуреченских бандитов. Задумайтесь об этом, господа.

PS. И вот здесь самое время спросить: Владимир Владимирович, вы там кого-то собирались мочить в сортирах? Вам не кажется, что время пришло?

Сергей Кара-Мурза

О Законопроекте №308243-5

Работа переводится на коммерческую основу, т.е. предоставляется право получать доходы (от госзаказов и на рынке) и распоряжаться ими. Небольшая часть государственных (муниципальных) учреждений будет преобразована в казенные учреждения (органы власти, силовые ведомства, СИЗО, детские дома, лепрозории и противочумные учреждения) с сохранением бюджетного финансирования.

Этот законопроект с зашифрованным названием является принципиальным и означает переломный момент в ходе кризиса. Он был принят так тихо и в первом, и во втором чтении, что почти никто этого даже не заметил. А те, кто заметил, не поверили, что он может быть введен в действие.

Вероятно, в замысле этого законопроекта объединились разные типы интересов: от геополитических до криминальных. После первого этапа реформ, когда удалось, без явных социальных протестов и даже без осознания обществом этого факта, вывести государство из хозяйственной сферы, начинается новый этап – вывод государства из социальной сферы. После отстранения государства от хозяйства Россия, как пишут некоторые западные наблюдатели, стала самым слабым в мире государством в отношениях с частным бизнесом. Надо бы сказать, в «видимых отношениях», но и это очень важно.

Радикальная постановка вопроса в этом законопроекте, который означает новый шаг в отступлении государства, на мой взгляд, может быть продиктована только победи-

телем в холодной войне. Этот шаг – почти капитуляция (если только государство не намерено выполнять свои социальные обязательства средствами партизанской борьбы). Ни одно самое коррумпированное, но мало-мальски независимое правительство не предприняло бы такой акции. Это вынужденная мера, демонстрирующая степень утраты суверенитета.

Что касается внутренних интересов господствующего меньшинства и бюрократии, мы наблюдаем принятие (или угрозу принятия) уже не первого превентивного закона подобного рода. Подобные законы принимаются и висят над обществом как дамоклов меч. К ним, кстати, относятся и жилищный кодекс. Этих законодательных актов не замечают, потому что законы не начинают действовать сразу же. Но они могут вводиться в действие постепенно, не производя на общество шокового эффекта, или же действовать как инструмент угрозы.

Так, регулярно сообщается о намерениях создать законодательную базу для изъятия средств у населения через обязательное страхование жилья. Председатель Госстроя Н. Кошман называл цену страховки – 2% рыночной стоимости в год. А пресса («КоммерсантЪ») сообщала: «Эксперты предполагают, что тарифы на обязательное страхование жилья составят 3% от рыночной стоимости квартиры в год». Рыночная оценка городского жилищного фонда – 2-2,5 триллиона долларов, при 2% годовых страховка будет стоить гражданам России 40-50 млрд. долларов в год. Это уже остается без крыши над головой значи-

тельную часть населения.

Говорилось и о налоге на недвижимость в размере 0,2-0,6% от рыночной стоимости. Это еще 10-15 млрд. долларов. Эти законы не принимаются, но о них постоянно упоминают, говорят, что «они готовы». Возможно, цель в том, чтобы отучить общество удивляться. Оно уже воспринимает подобные инициативы без какой-либо реакции.

Новый закон предполагает резкое сокращение обязательств государства. Государство снимает с себя ответственность за самые массовые системы, предоставляющие населению жизненно важные социальные блага. Лишение госфинансирования систем образования и здравоохранения – это удар и по необеспеченной части населения, и по среднему классу. Криминальные интересы такого изменения известны. В частности, еще при рассмотрении законопроекта по реформированию науки говорилось, что в случае банкротства большого числа финансируемых государством научных учреждений и организаций на рынок будет выброшена огромная масса недвижимости, которая будет присвоена теневым бизнесом и коррумпированными группами чиновников.

Похоже, что в продвижении этого законопроекта применяется старая аморальная политтехнология: напугать – помиловать, придавить – ослабить. То же было и с монетизацией льгот, и с налогом на недвижимость, и с налогом на транспортные средства. Сначала второе слушание, которое должно было состояться в апреле, было отложено на неопределенный срок. Говорили,

что об угрозе объявлено, но «доброе правительство» не даёт её реализовать. Опыт показывает, что такое привыкание действительно происходит. И вот, закон был проведен во втором слушании вечером 21 апреля!

Сейчас, как и после принятия закона о монетизации льгот, звучат заявления, что это провокация, что правительство не могло одобрить такой законопроект, что он может вызвать социальный взрыв.

Что касается возможных последствий, было уже достаточно таких экспериментов и проверок, из которых следует, что ни организационной базы, ни идеологии для социального взрыва сейчас нет. Никакой революции произойти не может, а волнения обывателей и учителей с врачами для власти не опасны. Власть, похоже, не понимает, что это и есть самое страшное – отсутствие «среднего диапазона» средств протеста.

Отсутствие организации, идеологии и возможности диалога – это условия возникновения «молекулярной гражданской войны», то есть бессистемного социального мщения. Это – война не за справедливость, а против всего. Против этого государства, этого общества, всей этой жизни. В 1990-е годы этот механизм задвигался, но был остановлен инерцией советской культуры. Сейчас произошла смена поколений, эта инерция сильно ослабла, и если маховик социального мщения будет запущен, остановить его не удастся очень долго. Он будет равнодушен к яйцам Фаберже и гламуру Ксении Собчак, а уж тем более – к дубинкам ОМОНа.

Открытое письмо учителей жителям нашей большой страны

ВСЕМ, КТО НЕРАВНОДУШЕН К БУДУЩЕМУ НАШИХ ДЕТЕЙ!

Политика нынешней власти в области образования ведет нас всех к дальнейшему разрушению действующей системы реального обучения детей, ежегодно предлагая новые механизмы разрушения.

Флаг «модернизации» образования ведёт нас к дальнейшей интеллектуальной и нравственной деградации наших детей (россиян).

Все так называемые «инновации» в сфере образования от нашего правительства на самом деле давно опробованы в развитых странах и признаны нецелесообразными!

Россия же, вводя «инновации», занимает всё более низкие места по результатам международных исследований.

Многие проблемы образования, падение престижа труда работников этой сферы возникли и усугубились из-за хронического недофинансирования, которое возложено на «нищие» местные бюджеты.

Правительство же пытается решить проблемы образования, настойчиво продвигая в эту сферу рыночные механизмы. Однако социальная сфера, в целом, и сфера образования, в частности, предназначены для производства и распределения социальных благ, служат целям культурного воспроизводства нации. Рыночные механизмы неадекватны для достижения этих целей. Они только ухудшают положение работников социальной сферы, искажая трудовую мотивацию, усиливая формализацию и регламентацию труда учителя, порождая явное неравенство в возможности получения качественного образования уже не среди нас, родителей – среди НАШИХ ДЕТЕЙ и ВНУКОВ!

Учителя, работники сферы образования, граждане России!

Мы считаем недопустимым превращение учебных учреждений в автономные организации, что равносильно введению ПЛАТНОГО среднего образования. Это является вопиющим покушением на базовые социальные права наших граждан, которые своими прямыми налогами и скрытыми налогами при покупке товаров для своих детей уже оплатили их образование и является двойным налогообложением.

Ради наших детей и внуков просим всех присоединиться к акции протеста против нынешней политики властей в сфере образования! Только совместными усилиями мы сможем ЗАСТАВИТЬ ВЛАСТЬ изменить отношение к детским садам, школам, другим образовательным учреждениям – то есть к НАШИМ ДЕТЯМ и ВНУКАМ!

Мы требуем:

- отказа от провозглашенного правительством базирующегося на либерально-рыночном фундаментализме курса «реформ», которые идут системе образования только во вред;

- безотлагательной разработки, широкого обсуждения в обществе и принятия новой программы развития образования России, которая будет учитывать интересы российского общества, а не правящей элиты;

- поэтапного увеличения доли расходов ВВП на образование до значения, приличествующего цивилизованной развитой стране (сейчас в России – 3,5%, в США – 11%, в Японии – 14%, в Финляндии – 16,5%, в Южной Корее и Тайване – более 20%);

- повышения базовой ставки ВСЕХ ПЕДАГОГОВ РОССИИ как минимум до уровня

средней заработной платы в стране и немедленного выделения из бюджетов всех уровней фиксированной суммы на стимулирующую часть в размере 30% ФОТ;

- обеспечения молодых педагогов социальным жильем;

- отмены законопроекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

Поддерживаем Обращение Клуба профессоров Алтая и Алтайского философского общества; а также Обращение шадринских бюджетников к Президенту РФ и Обращение членов Гражданского литературного форума к Президенту РФ Медведеву Д.А., к премьер-министру Путину В.В., к Правительству страны, к фракции партии «Единая Россия» в Государственной Думе, к Совету Федерации, Общественной палате.

Господин президент! Господин премьер-министр! Господин министр образования!

Если наши требования не будут удовлетворены немедленно – мы начинаем подготовку к проведению с 1.09.2010 года всеобщей ЗАБАСТОВКИ педагогов! Считайте это официальным предупреждением!

ГРАЖДАНЕ РОССИИ – родители наших детей – ПОДДЕРЖИТЕ НАС – остановите развал системы образования в нашей стране!

Будущее наших детей и внуков – в наших руках!

Инициативная группа педагогов России.
www.eduhelp.info - новости мира образования

Юрий Крупнов Закон о бюджетных учреждениях преследует чуждые образованию цели

- Юрий Васильевич, как Вы оцениваете акции протеста, митинги, которые прошли в минувшую субботу по всей стране? Их можно назвать результативными?

- Как представляется, самоорганизация родительской и педагогической общественности показала себя с самой лучшей стороны и на самом высоком уровне. Показательным является, в частности, митинг в Санкт-Петербурге, где очень корректно и твердо удалось поставить все основные вопросы, связанные с данным законом, и принять предметную и решительную резолюцию. В том же Санкт-Петербурге и других городах организаторам удалось, по сути, отбить атаки провокаторов, которые хотели использовать данную целенаправленную акцию в своих, в общем-то, антисистемных и антигосударственных целях. Мне кажется, это очень важно.

По поводу результативности. Многие говорят: ну что такого — вышли люди, высказали свои требования? Это, конечно, не так. Сам всероссийский масштаб акции, ее корректность и идеальное с точки зрения гражданского общества проведение доказывают, что это действительно важнейший вопрос бытия, и через такие акции понемногу, потихоньку, но всё же удастся коренным образом пресечь все негативные последствия действия этого закона.

- Некоторые эксперты предлагают не выходить тем же родителям на митинги, а напрямую направиться в суд. Как Вы считаете, у подобных судебных исков будет перспектива?

- Закон уже подписан Президентом, имеет свой номер — ФЗ №83. С юридической точки зрения имеются очень слабые перспективы для какого-либо судебного преследования, поскольку в самом законе не содержится прямых негативных норм. Как раз это и возмущает общественность и профессионалов от образования — то, что этот закон разрушителен во всей совокупности законодательного поля. То есть он посягает в целом на бюджетную сферу в том виде, в котором она устоялась, и этому очень трудно напрямую что-то противопоставить по какой-либо норме закона. В законе, конечно, нет положений о том, что, например, среднее образование станет платным. А в Конституции у нас сформулирована норма о том, что общее среднее образование является бесплатным. Если бы мы нашли прямое противоречие, то спокойно могли бы подать в суд. Но их в юридической плоскости нет и быть не может, и в этом опасность закона, поскольку никто, в том числе и те, кто за него голосовал, не могут даже в самом глубоком его «продумывании» предусмотреть всех последствий. Он [закон] нарушает некие фундаментальные принципы нашего социального бытия, и в этом его опасность.

- Но, несмотря на то, что закон уже принят, с разработкой подзаконных актов все не так радужно...

- Это и есть ключевая проблема, на которую указывают все критики закона, и они правы, потому что закон принимается как изолированный документ, а вся система необходимых подзаконных актов,

включая стандарты образования, учебные планы и массу других, вместе с этим законом не присутствует. Получается, не о чем даже и говорить. Но все понимают, что подзаконные акты будут приниматься по законам ситуативной конъюнктурной рациональности, главным из которых как всегда будет являться экономия бюджетных средств, а не с точки зрения того, что какой-то идеальный субъект будет это всё, опять же, идеально выстраивать. Поэтому, во-первых, будут приниматься изолированные подзаконные акты, во-вторых, всегда будет желание сэкономить, и в итоге всё это может вылиться в крайне негативные, антигосударственные последствия.

- Про тот же питерский митинг говорили, что многие директора школ, учителя хотели бы прийти на него, но попросту боятся высказать свое мнение против, например, профильного ведомства — Минобрнауки...

- Это фундаментальный момент, который необходимо отметить. В Питере митинг возглавила домохозяйка — Марина Медведева, в других городах также пришли далеко не одни учителя или медики. Закон касается не только учителей, но и всех нас — родителей, бабушек, сестер, мам и пап, — каждого из нас, поскольку все мы в той или иной форме родители, пациенты, посетители музеев и т.д. Это вопрос не какого-то отраслевого недовольства, скажем, когда учителя требуют в два раза повысить им зарплату, бастуют, боясь или не боясь при этом выходить на митинги. Это вопрос всеобщий, который должен решаться через широчайшее обсуждение, через предъявление всей системы документов, в том числе и подзаконных актов. А пока их не будет, никакие фундаментальные решения приниматься не должны. Родительская общественность здесь просто выступает авангардом, и это абсолютно правильно.

- Так совпало, что одновременно с принятием закона о бюджетных учреждениях начались разговоры о сокращении отсрочки от призыва в армию, об увеличении призывного возраста с 27 лет до 30, о расширении призыва и т.д. На Ваш взгляд, насколько отрицательно эти два явления — новый закон и возможные нововведения в армии — могут сказаться на общем состоянии образованности в стране?

- К сожалению, ко всем этим, так сказать, рукотворным бедам в виде законов, подзаконных актов, решений и т.д. присоединяются негативные последствия нашей демографической катастрофы. Если убрать какие-то совсем уже нелепости, призыв в армию и отмена отсрочек напрямую связаны с тем, что уже со следующего года начинается гигантская демографическая яма: будет попросту некого брать в армию. То же самое случится и с абитуриентами. Эта демографическая яма была всем известна и понята и десять лет назад, потому что это касается уже родившихся детей — других взять неоткуда. Возникает уйма вопросов, страшных и тяжелых. Первый из них — а зачем нам тогда ЕГЭ? Уже в этом году фактически количество поступающих в вузы будет меньше количества имеющихся бюджетных мест. А

дальше будет только хуже. Зачем тогда нужен конкурс на бюджетные места, если, по большому счету, у нас не хватает людей, и их нужно учить, доводить, так сказать, до ума, создавать человеческий капитал. То же касается и закона о бюджетной сфере. У нас в стране происходит демографическая катастрофа: люди, исходя, в том числе, и из отсутствия материальных перспектив, не хотят и боятся рожать, тем самым разрушая бюджетную сферу, которая, в свою очередь, практически в 100% российских регионов является системообразующей. Кто и как живет в регионах? Живут на бабушкину пенсию, на пособия, на зарплаты бюджетников — учителей, работников администрации и т.д.

Еще один важный момент — отсрочки. Нужно связать демографическую катастрофу и нерационально принимаемые законы. Здесь все опять завязывается на несовершенстве законодательных решений. Около шести лет назад было громко объявлено, что Российская армия переходит на контрактную основу, были приняты и соответствующие законодательные акты. В итоге переход не состоялся, и набирают призывников сегодня отовсюду, поскольку демография берёт свое, и армии просто необходимо заполнить «дыры» даже в уже сокращенном виде. Здесь дело в качестве законодательных решений и в качестве реформ.

- Существует мнение, что, если высшее образование сегодня еще как-то выживает, пытается сопротивляться, иногда даже успешно, различным роковым решениям в области законодательства, то среднее специальное образование скоро придет в совсем плачевное состояние, в то время как именно квалифицированных рабочих рук в стране не хватает больше всего...

- Все эти годы среднее специальное образование не только потихонечку сокращается путем «пристегивания» к высшему или вообще посредством закрытия, но и фактически перестает выполнять ту системообразующую функцию, которую выполняло до этого, — выпуск высококвалифицированных представителей рабочих профессий и первичного управленческого звена. Это еще одно подтверждение того, что реформа образования, к сожалению, является негативной по отношению к так называемым по-

требителям образования, и по отношению к самой системе, поскольку преследует необразовательные цели. Либо это идеологические цели, ярким примером которых является данный бюджетный закон, преследующий принципы конкуренции. На прошлой неделе депутат Госдумы Федоров в одной из телепередач рассказывал, что принятие этого закона принесет конкуренцию в школу, и мы за те же деньги в два раза улучшим качество образования... Либо это чисто коммерческие цели — банальное сокращение сети и затрат. И мы видим, что так называемая реформа образования, по сути, образования, как такового, не касается. Она не преследует своей целью сохранить качество образования, а реализует внеобразовательные, чуждые образованию задачи.

- И все-таки, можно ли ожидать, что общественности удастся добиться изменений, или же родителям стоит готовиться к новым расходам уже в ближайшее время?

- Очень важно отметить, что под давлением общественности депутаты Госдумы перенесли вступление закона в силу с 1 января 2011 года на 1 июля 2012 года. То есть, если исходить из сегодняшней даты, отложили его на два года. Я не стану преувеличивать значение данной ситуации, и не буду говорить, что, например, родители первоклашек уже в этом году столкнутся с чем-то страшным. Но тем важнее выступления общественности. Да, вступление закона в силу будет медленным, постепенным, но от этого его разрушительная сила не станет меньше, она просто будет растянута во времени. Надо требовать ясную позицию государства и четкие гарантии по отношению к тому, что будет предоставлено и за какие деньги. С моей точки зрения, сейчас самое главное — соединить усилия общественности, усилив всех партий, в том числе и «Единой России», и начать разработку и быстрое принятие социального кодекса Российской Федерации, где будет четко, до рубля, прописано, что государство и граждане должны друг другу, в том числе и по линии образования. Социальный кодекс на сегодняшний день — это ключевой момент, иначе все наши разговоры о социальном государстве так и останутся несостоятельными, и мы просто уничтожим свой социум как таковой.

Юрий Болдырев О реформе по «автономизации» государственных и муниципальных учреждений

К праздникам принято делать подарки. И ко Дню международной солидарности трудящихся, а также и ко Дню Победы, нам преподнесли очередную подарочек.

Речь идет о принятии Государственной Думой закона о «совершенствовании правового положения» государственных и муниципальных учреждений, в просторечии – об их дальнейшей «автономизации». К числу этих «автономизируемых», надо понимать, в ближайшее время будут отнесены и общеобразовательные школы, и государственные вузы, и академические НИИ, и основные медицинские учреждения.

Что ж, начнем со школ. Только отшумели бури вокруг первого опыта уже тотального и безальтернативного внедрения ЕГЭ, только наблюдатели успели ужаснуться результатам самых элементарных контрольных работ, предложенных студентам ряда даже не последних, а ведущих вузов страны (тем самым студентам, что только что успешно сдали ЕГЭ), и вот уже новая реформа – дальнейший перевод школ (вместе с другими образовательными, медицинскими и т.п. организациями) в эти самые «автономные учреждения». Зачем? Может быть, для повышения самостоятельности и творческого потенциала школ, вузов и клиник? Да нет же. Известно – для компенсации с помощью сторонних доходов планируемого снижения уровня государственного финансирования соответствующих сфер (и снижения, тем самым, нагрузки на бюджеты). Иными словами – для экономии бюджетных средств.

В одной из своих статей я уже писал о правительственной программе «повышения эффективности расходования бюджетных средств». Так вот, перевод образования и здравоохранения в «автономные учреждения» и «госзаказ» на предоставляемые «госуслуги» (вместо нормативного финансирования) – идеи из этой программы. Программа в целом, казалось бы, никем не утверждена, во всяком случае, публично. Но фактически-то, как мы видим, она реализуется. И потому уместно вновь обратиться к ряду других ее положений, в частности, такому, как планируемый отказ от ведомственной классификации бюджета – вместо него предполагается лишь набор неких «программ», утверждаемых вообще без какого-либо публичного рассмотрения парламентом. И что мы получим вместо бюджета? Ответ очевиден – полный произвол в расходовании государственных ресурсов.

А средств не хватает, как это известно из нашего последнего жизненного опыта, не столько там, где их нет, сколько там, где их нещадно разворовывают. Откуда же в этих условиях в обозримом будущем возьмутся средства на надлежащее финансирование образования и здравоохранения?

Но, может быть, в этих условиях наше образование и здравоохранение спасет эта самая «автономизация»?

Критики новой реформы не без оснований высказывают опасения, что настойчиво и далее внедряемая «автономность» бюджетных учреждений, в частности, школ, приведет к возможности отказа им в «госза-

казе». Действительно, ныне обязательное финансирование школ и медучреждений переводится в нечто возможное лишь по мере имеющихся (остающихся в бюджете после изъятия «излишков» и плюс расплаты по вновь набираемым кредитам) ресурсов. А если нет денег, то, естественно, нет и госзаказа. И что далее происходит со школой, если она занимается не оказанием тех или иных двусмысленных «услуг», а непосредственно основной образовательной деятельностью? Известно. Сначала долговая кабала – все большая часть финансирования госзаказа постепенно будет направлять переводиться в оплату грабительских процентов по кредитам банку. А затем и «банкротство» (хотя пока нас уверяют, что от этого школы, как будто, будут защищены, но как в это поверить, если от долговой кабалы банку и, как следствие, от прямого перевода бюджетных средств в оплату процентов никакой защиты нет...). Банкротство, с изъятием за долги помещений, спортивных площадок и земельных участков, – так необходимых для новых офисов, «бизнес-центров», «массажных салонов» и т.п. Есть ли основания для таких опасений? К сожалению, весь наш опыт (включая судьбу детских садов) свидетельствует о том, что есть.

Иная, «оптимистическая» точка зрения на проблему заключается в том, что школы в этих условиях должны будут расширить спектр предоставляемых «образовательных услуг» и этим неплохо зарабатывать. Но возникает простой и самый очевидный вопрос: если вам и бесплатно предоставляют весь перечень необходимых «услуг», пойдете ли вы добровольно еще и за дополнительными платными «услугами»? Вот и получается, что для того, чтобы граждане массово начали еще и добровольно платить школам за «дополнительные услуги» (и тем компенсировать планируемое снижение объемов государственного финансирования), предварительно эти же самые школы должны ухудшить и (или) ограничить предоставление «образовательных услуг» бесплатных. Что, как выясняется, сейчас и планируется: обо всех этих предложениях свести количество обязательных предметов и часов в общеобразовательной школе к некоторому абсолютному минимуму, а все остальное перевести на платные факультативы, читатели наверняка уже слышали.

Кстати, точно также это касается и медицины – предоставления «услуг» в сфере охраны здоровья граждан. Надо понимать, жизненно важно будут переводить в «факультативное»...

И здесь нам стоит вновь вернуться к главному вопросу, который я уже затрагивал ранее. А именно: образование, в частности, всеобщее среднее – это базисная функция государства, которая должна быть обеспечена безусловно и безо всяких оговорок? Или же это всего лишь «услуга» со стороны власти, которая может быть нам предоставлена ею по-разному, с различным объемом и качеством, и от предоставления которой всегда можно и отказаться?

Давайте сравним, например, образование (которое, как известно,

жизненно необходимо для самой возможности какого-либо развития) с другой функцией государства – обеспечением обороны. Если на военном объекте (в системе ПВО, в воздушно-десантном соединении, на подводной лодке) выявлены нарушения, то к чему это приведет? К расследованию, отстранению руководства, понижению провинившихся в должности и звании, к их увольнению со службы и уголовной ответственности. Но в этом перечне нет и не может быть простого закрытия объекта и его банкротства. Почему же в отношении образовательных учреждений подобное прямо или косвенно появляется, почему это в принципе стало возможным? В чем разница? В том, что одно – функция, другое – лишь «услуга»? Но, вновь обращая на это внимание и читателей, и всего нашего общества, и его представителя – Парламента, а также и Конституционного суда: в Конституции понятия «право» (применительно к гражданам), «ведение» и «полномочия» (применительно к органам государственной власти) есть, но понятия «услуга» – нет. Оборона, всеобщее среднее образование (гарантированное Конституцией каждому) и охрана здоровья граждан – это никакие не «услуги», а функции государства. И отношение к реализации этих функций государства должно быть совершенно равным, без перевода части из них в разряд «услуг», предоставление которых каким-либо образом может быть временно приостановлено, например, ввиду отсутствия «госзаказа» или, тем более, «банкротства» соответствующих учреждений.

Пока же, даже до введения в действие закона об «автономных учреждениях», ситуация порой просто абсурдна. Приведу пример также из сферы образования, хотя и уже далеко не среднего (в том числе, не среднего и в смысле его уровня и качества). Недавно была приостановлена на месяц (!) деятельность Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева в связи с нарушением требований пожарной безопасности. Казалось бы, такая мера совершенно нормальна и не требует более ничего иного – никакого расследования, привлечения к ответственности и т.п. Есть нарушение – зафиксировали, деятельность приостановили; не будет нарушение устранено – вообще закроем, а разбираться в причинах и виновных – дело собственников, акционеров и т.п. Все нормально, согласимся, но... лишь применительно к частной лавочке, не имеющей никакого общегосударственного стратегического значения. По отношению к ныне изрядно наплодившимся бесчисленным свободно конкурирующим между собой частным структурам, каким-нибудь университетикам «менеджмента, банкинга и халкинга» – это именно так и должно быть. Но есть ли понимание принципиального отличия от них по своей функции РХТУ им. Д.И. Менделеева? Вопрос к читателям – знают ли и помнят ли они, кто последний оказывал сопоставимое давление на этот системообразующий вуз (если не закрывал, то запрещал какие-либо контакты с ним)? Если запомнили, подскажите: госдепартамент США – за научное сотрудничество с Ираном. Согласитесь, в этом свете нынешние

«пожарные» санкции, почти приуроченные к празднику Победы (чуть-чуть поторопились) вызывают некоторые вопросы.

И опять же давайте попробуем сравнить эту ситуацию, например, с ситуацией на военно-морской базе. Да, разное безобразие, несоблюдение требований пожарной безопасности, к сожалению, бывает везде. Но если нарушения будут выявлены на военно-морской базе, то что за этим последует? Не закрытие на месяц (а если не устранили, то закроем навсегда), а, прежде всего, радикальные кадровые решения. И понятно: отвечать за подобные шалости нужно не снижением на месяц обороноспособности страны, а карьерами, должностями, званиями конкретных руководителей с безусловным обеспечением наведения порядка. Но почему же к военно-морской базе подход один, а к вузу (повторюсь, не частному, одному из многих, а государственному, системообразующему), не менее важному в обеспечении обороноспособности страны, подход иной? Почему о закрытии вуза на месяц мы услышали, но о жестких санкциях в отношении руководства вуза и (или) вышестоящих руководителей, в том числе, может быть, и руководителей минфина, не обеспечивших своевременное выделение необходимых средств, мы ничего не знаем? Почему нарушение есть, научные сотрудники и преподаватели, а также студенты, качество их обучения, а значит, и будущая ракетно-космическая программа и обороноспособность страны страдают, а виновных должностных лиц как будто бы и нет?

А ведь это пока – еще до введения в действие закона о «совершенствовании». Далее же, логично предположить, требования пожарной безопасности будут существенно ужесточены (особенно применительно к таким старым шикарным зданиям в центре Москвы), бюджетные средства на приведение образовательных и медицинских учреждений в соответствии с новыми требованиями, разумеется, выделяться не будут, а штрафы за нарушения будут многократно увеличены и, глядишь, уже и одни только пожарники запросто смогут обанкротить под заказ любой вуз или больницу в центре Москвы. А уж со старыми академическими институтами, занимающими такие шикарные особняки на том же Ленинском проспекте – тут уже совсем все ясно. Мыслимое ли дело, чтобы наследники зурабовых так и не смогли их прибрать к рукам? Или я не прав, и не для того сейчас вся эта «автономность» затевается?

Юрий Рубцов (полковник, академик Академии военных наук) Заградотряды в РККА. Страшная, страшная сказка.

Кого на фронте гнали в атаку на врага под дулами собственных пулеметов

Один из самых страшных мифов Второй мировой войны связан с существованием в Красной Армии заградотрядов. Нередко в современных сериалах о войне можно увидеть сцены с мрачными личностями в синих фуражках войск НКВД, расстреливающих из пулеметов раненых бойцов, выходящих из боя. Показывая это, авторы берут на душу большой грех. Никому из исследователей не удалось найти в архивах ни одного факта в подтверждение этого.

А что было?

Заградительные отряды появились в Красной Армии с первых дней войны. Такие формирования создавались военной контрразведкой в лице сначала 3-го управления НКВД СССР, а с 17 июля 1941 г. — Управления особых отделов НКВД СССР и подчиненных органов в войсках.

В качестве главных задач особых отделов на период войны постановлением Государственного Комитета Обороны были определены «решительная борьба со шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидация дезертирства в непосредственно прифронтовой полосе». Они получали право ареста дезертиров, а в необходимых случаях — и расстрела их на месте.

Для обеспечения оперативных мероприятий при особых отделах в соответствии с приказом наркома внутренних дел Л.П. Берия к 25 июля 1941 г. были сформированы: в дивизиях и корпусах — отдельные стрелковые взводы, в армиях — отдельные стрелковые роты, во фронтах — отдельные стрелковые батальоны. Используя их, особые отделы организовывали службу заграждения, выставляли засады, посты и дозоры на дорогах, путях движения беженцев и других коммуникациях. Каждого задержанного командира, красноармейца, краснофлотца проверяли. Если его признавали бежавшим с поля боя, то он подвергался немедленному аресту, и по нему начиналось оперативное (не более чем 12-часовое) следствие для передачи его суду военного трибунала как дезертира. На особые отделы возлагалась обязанность приведения в исполнение приговоров военных трибуналов, в том числе перед строем. В «особо исключительных случаях, когда обстановка требует принятия решительных мер для немедленного восстановления порядка на фронте», начальник особого отдела имел право расстрелять дезертиров на месте, о чем должен был тут же донести в особый отдел армии и фронта (флота). Военнослужащих, отставших от части по объективной причине, организовано, в сопровождении представителя особого отдела направляли в штаб ближайшей дивизии.

Поток военнослужащих, отставших от своих частей в калейдоскопе боев, при выходе из многочисленных окружений, а то и сознательно дезертировавших, был огромен. Только с начала войны и по 10 октября 1941 г. оперативные заслоны особых отделов и заградительные отряды войск НКВД задержали более 650 тысяч бойцов и командиров. В общей массе легко растворялась и немецкая агентура. Так, обезвреженная зимой-весной 1942 г. группа лазутчиков имела задание физически ликвидировать командование Западным и Калининским фронтами, включая командующих генералов Г.К. Жукова и И.С. Конева.

Особые отделы с трудом справлялись с таким объемом дел. Ситуация потребовала создания специальных частей, которые бы прямо занимались предотвращением несанкционированного отхода войск с занимаемых позиций, возвращением отставших военнослужащих в их части и подразделения и задержанием дезертиров.

Первым инициативу такого рода проявило военное командование. После обращения командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта А.И. Еременко к Сталину 5 сентября 1941 г. ему было разрешено создать заградительные отряды в «неустойчивых» дивизиях, где неоднократно имели место случаи оставления боевых позиций без приказа. Через неделю эта практика была распространена на стрелковые дивизии всей Красной Армии.

Эти заградительные отряды (численностью до батальона) не имели никакого отношения к войскам НКВД, они действовали в составе стрелковых дивизий РККА, комплектовались за счет их личного состава и подчинялись их командирам. В то же время наряду с ними существовали заградотряды, сформированные либо войсковыми особыми отделами, либо территориальными органами НКВД. Характерный пример — заградительные отряды, образованные в октябре 1941 г. НКВД СССР, который по постановлению ГКО взял под особую охрану зону, прилегающую к Москве, с запада и юга по линии Калинин — Ржев — Можайск — Тула — Коломна — Кашира. Уже первые результаты показали, насколько нужными были эти меры. Только за две недели с 15 по 28 октября 1941 г. в Московской зоне были задержаны более 75 тыс. военнослужащих.

С самого начала заградительные формирования, независимо от их ведомственной подчиненности, не ориентировались руководством на повальные расстрелы и аресты. Между тем сегодня в прессе приходится сталкиваться с подобными обвинениями, а заградотрядовцев подчас называют карателями. Но обратимся к цифрам. Из более чем 650 тыс. военнослужащих, задержанных к 10 октября 1941 г.,

после проверки были арестованы около 26 тыс. человек, среди которых особые отделы вычислили: шпионов — 1505, диверсантов — 308, изменников — 2621, трусов и паникеров — 2643, дезертиров — 8772, распространителей провокационных слухов — 3987, самоубийц — 1671, других — 4371 человек. Был расстрелян 10201 человек, в том числе перед строем — 3321 человек. Подавляющее же число — более 632 тыс. человек, т.е. более 96%, были возвращены на фронт.

По мере стабилизации линии фронта деятельность заградительных формирований сворачивалась явочным порядком. Новый импульс ей придал приказ № 227.

Созданные в соответствии с ним заградотряды численностью до 200 человек состояли из бойцов и командиров Красной Армии, ни формой, ни вооружением не отличавшихся от остальных военнослужащих РККА. Каждый из заградотрядов имел статус отдельной воинской части и подчинялся ее командованию дивизии, за боевыми порядками которой он располагался, а командованию армии через Особый Отдел НКВД. Руководил отрядом офицер госбезопасности.

Всего к 15 октября 1942 г. в частях действующей армии функционировало 193 заградительных отряда. В первую очередь сталинский приказ проводился в жизни, конечно, на южном фланге советско-германского фронта. Почти каждый пятый отряд — 41 единица — были сформированы на сталинградском направлении.

Первоначально в соответствии с требованиями наркома обороны на заградительные отряды возлагалась обязанность предупреждать несанкционированный отход линейных частей. Однако на практике круг боевых дел, которыми они занимались, оказался более широким.

«Заградительные отряды», вспоминал генерал армии П. Н. Лащенко, бывший в дни опубликования приказа № 227 заместителем начальника штаба 60-й армии, — находились в удалении от передовой, прикрывали войска с тыла от диверсантов и вражеского десанта, задерживали дезертиров, которые, к сожалению, были; наводили порядок на переправах, направляли отбившихся от своих подразделений солдат на сборные пункты».

Как свидетельствуют многие участники войны, заградотряды существовали не везде. По утверждению Маршала Советского Союза Д. Т. Язова, они вообще отсутствовали на ряде фронтов, действовавших на северном и северо-западном направлениях.

Не выдерживают критики и версии, будто заградотряды «караулили» штрафные части. Командир роты 8-го отдельного штрафного батальона 1-го Белорусского фронта полковник в отставке А. В. Пильцын, воевавший в составе штрафного батальона с 1943 г. до самой Победы, утверждает: «За нашим батальоном ни при каких обстоятельствах не было никаких заградотрядов, не применялись и другие устрашающие меры. Просто в этом никогда не возникало такой нужды».

Известный писатель, Герой Советского Союза В. В. Карпов, воевавший в 45-й отдельной штрафной роте на Калининском фронте, также отрицает присутствие заградотрядов за боевыми порядками их части.

Реально заставы армейского заградотряда располагались на удалении 1,5–2 км от передовой, перехватывая коммуникации в ближайшем тылу. Они не специализировались на штрафниках, а проверяли и задерживали всех, чье пребывание вне воинской части вызывало подозрение.

Применяли ли заградительные отряды оружие, чтобы предотвратить несанкционированный отход линейных частей с занимаемых позиций? Этот аспект их боевой деятельности иногда освещается крайне спекулятивно.

По документам видно, как складывалась боевая практика заградительных отрядов в один из самых напряженных периодов войны, летом-осенью 1942 г. С 1 августа (момента формирования) по 15 октября ими были задержаны 140755 военнослужащих, «сбежавших с передовой линии фронта». Из них: арестовано — 3980, расстреляно — 1189, направлено в штрафные роты — 2776, в штрафные батальоны — 185, возвращено в свои части и на пересыльные пункты подавляющее число задержанных — 131094 человек. Приведенная статистика показывает, что воевать дальше без какого-либо поражения в правах получило большинство абсолютное большинство военнослужащих, до этого по разным причинам покинувших передовую, — более 91%.

Что касается преступников, то к ним применялись самые суровые меры. Это касалось дезертиров, перебежчиков, мнимых больных, самоубийц. Доводилось — и расстреливали перед строем. Но решение о приведении в исполнение этой крайней меры принимал не командир заградотряда, а военный трибунал дивизии (не ниже) или, в отдельных, заранее оговоренных случаях, — начальник особого отдела армии.

В исключительных ситуациях бойцы заградительных отрядов могли открывать огонь над головами отступающих. Допускаем, что отдельные случаи стрельбы по людям в горячке боя могли иметь место: бойцам и командирам заградотрядов в сложной обстановке могла изменить выдержка. Но утверждать, что таковой была повседневная практика, — нет никаких оснований. Трусов и паникеров расстреливали перед строем в индивидуальном порядке. Карали, как пра-

вило, лишь инициаторов паники и бегства.

Приведем несколько характерных примеров из истории битвы на Волге. 14 сентября 1942 г. противник предпринял наступление против частей 399-й стрелковой дивизии 62-й армии. Когда бойцы и командиры 396-го и 472-го стрелковых полков стали в панике отходить, начальник заградотряда, младший лейтенант госбезопасности Ельман приказал своему отряду открыть огонь над головами отступающих. Это заставило личный состав остановиться, и через два часа полки заняли прежние рубежи обороны.

15 октября в районе Сталинградского тракторного завода противнику удалось выйти к Волге и отрезать от основных сил 62-й армии остатки 112-й стрелковой дивизии, а также трех (115, 124 и 149-я) отдельных стрелковых бригад. Поддавшись панике, ряд военнослужащих, в том числе командиров различных степеней, пытались бросить свои части и под разными предлогами переправиться на восточный берег Волги. Чтобы не допустить этого, оперативная группа под руководством старшего оперуполномоченного лейтенанта госбезопасности Игнатенко, созданная особым отделом 62-й армии, выставила заслон. За 15 дней было задержано и возвращено на поле боя до 800 человек рядового и командного состава, 15 паникеров, трусов и дезертиров были расстреляны перед строем. Аналогично действовали заградотряды и позднее.

Подпирать дрогнувшие, попятившиеся назад подразделения и части, самим вмешиваться в ход боя с тем, чтобы внести в него перелом, заградотрядам, как свидетельствуют документы, приходилось неоднократно. Пополнение, прибывавшее на фронт, было, естественно, необстрелянным, и в этой ситуации заградительные отряды, сформированные из стойких, обстрелянных, с крепкой фронтовой закалкой командиров и бойцов, подставляли линейным частям надежное плечо.

Так, в ходе обороны Сталинграда 29 августа 1942 г. прорвавшимся танками противника был окружен штаб 29-й стрелковой дивизии 64-й армии. Заградотряд не только остановил отходящих в беспорядке военнослужащих и возвратил их на ранее занимаемые рубежи обороны, но и сам вступил в бой. Враг был отброшен.

13 сентября, когда 112-я стрелковая дивизия под давлением противника отошла с занимаемого рубежа, оборону занял заградотряд 62-й армии под командованием лейтенанта госбезопасности Хлыстова. Несколько суток бойцы и командиры отряда отражали атаки вражеских автоматчиков, пока в оборону не встали подошедшие части. Так было и на других участках советско-германского фронта.

С переломом в обстановке на фронте, наступившим после победы под Сталинградом, участие заградительных формирований в боях все больше оказывалось не только спонтанным, продиктованным динамично меняющейся ситуацией, но и результатом заранее принятого решения командования. Командармы старались использовать оставшиеся без «работы» отряды с максимальной пользой в делах, не связанных с заградительной службой.

О фактах такого рода в середине октября 1942 г. докладывал в Москву майор госбезопасности В.М. Казакевич. Например, на Воронежском фронте по приказу военного совета 6-й армии два заградительных отряда были приданы 174-й стрелковой дивизии и введены в бой. В результате они потеряли до 70% личного состава, оставшиеся в строю бойцы были переданы на пополнение названной дивизии, а отряды пришлось расформировать. Как линейную часть использовал заградотряд 29-й армии Западного фронта командир 246-й стрелковой дивизии, в чьем оперативном подчинении находился отряд. Принимая участие в одной из атак, отряд из 118 человек личного состава потерял убитыми и ранеными 109 человек, в связи с чем его пришлось формировать заново.

Причины возражений со стороны особых отделов понятны. Но, как представляется, не случайно с самого начала заградительные отряды были подчинены армейскому командованию, а не органам военной контрразведки. Нарком обороны, безусловно, имел в виду, что заградительные формирования будут и должны использоваться не только как заслон для отступающих частей, но и как важнейший резерв для непосредственного ведения боевых действий.

По мере изменения положения на фронтах, с переходом к Красной Армии стратегической инициативы и началом массового изгнания оккупантов с территории СССР необходимость в заградотрядах стала резко снижаться. Приказ «Ни шагу назад!» окончательно утратил свое былое значение. 29 октября 1944 г. Сталин издал приказ, в котором признавалось, что «в связи с изменением общей обстановки на фронтах необходимость в дальнейшем содержании заградительных отрядов отпала». К 15 ноября 1944 г. они были расформированы, а личный состав отрядов направлен на пополнение стрелковых дивизий.

Таким образом, заградительные отряды не только выступали в роли заслона, препятствовавшего проникновению в тыл дезертиров, паникеров, немецкой агентуры, не только возвращали на передовую отставших от своих частей военнослужащих, но и сами вели непосредственные боевые действия с противником, внося вклад в достижение победы над фашистской Германией.

Дмитрий ЛЫСКОВ

Основной вопрос революции от его зарождения до разрешения

Наследники народников эсеры, «крестьянская» партия, выступали за «социализацию» земли, запрет на куплю-продажу земельных участков, за устранение наемного труда на селе и распределение земли между крестьянами по числу работников, способных ее обрабатывать, либо «по едокам» хозяйства.

Именно эта программа, построенная на анализе крестьянских наказов, была реализована большевиками в октябре 1917 года во втором декрете Советской власти — «Декрете о земле». В ответ на обвинения со стороны эсеров в краже большевиками их программы, Ленин резонно указал, что эсеры с февраля были у власти, но отчего-то не предприняли для ее реализации никаких усилий.

При этом, говоря о программе эсеров, которая легла в основу «Декрета о земле», Ленин неоднократно подчеркивал, что крестьянский наказ не отражал большевистских требований по аграрному вопросу, но поскольку в нем была выражена воля трудового крестьянства, большевики приняли его: «Мы, — говорил Ленин, — открыто сказали в нашем декрете от 26 октября 1917 года, что мы берем в основу крестьянский наказ о земле. Мы открыто сказали, что он не отвечает нашим взглядам, что это не есть коммунизм, но мы не навязывали крестьянству того, что не соответствовало его взглядам, а соответствовало лишь нашей программе».

Действительно, аграрная программа большевиков подразумевала не раздачу земли крестьянам, а — по программе минимум, рассчитанной на буржуазную революцию, — «свободное развитие классово-борьбы в деревне». «Апрельские тезисы» говорили уже об организации на бывших помещичьих землях передовых сельскохозяйственных производств, где достигалось бы существенное увеличение производительности труда благодаря коллективной обработке земли под руководством профессиональных агрономов, применению удобрений, техники и т.д.

В ленинских «Материалах по пересмотру партийной программы» большевиков марта-апреля 1917 года говорилось о поддержке почина «тех крестьянских комитетов, которые в ряде местностей России передают помещичий живой и мертвый инвентарь в руки организованного в эти комитеты крестьянства для общественно-регулируемого использования по обработке всех земель». Также партия советовала «пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добивались образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет Советами депутатов от сельскохозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств».

В 1917-1918 годах, пока Гражданская война не смещала все планы, Ленин активно призывал крестьянство создавать такие хозяйства, полагая, что их успешность будет отличным доводом для частного и далее объединяться в сельскохозяйственные коммуны. Впрочем, до поры до времени этот вопрос было предоставлено решать крестьянству по собственному усмотрению.

Большевики, таким образом, шагнули в теоретическом разрешении аграрного вопроса куда дальше других партий. Ведь из самых элементарных соображений следует, что простая раздача земли крестьянам, столь привлекательно выглядящая при «бытовом» подходе к проблеме, в реальности никаких выдвинутых аграрным перенаселением вопросов не решала.

Сама суть аграрного вопроса для России начала XX века отнюдь не исчерпывалась малоземельем. 80 процентов населения страны проживало в сельской местности, где в подавляющем большинстве вело крайне примитивное хозяйство, непрерывно балансируя на грани голода. Не исключено, что увеличение земельных наделов за счет государственных и помещичьих угодий помогло бы, наконец, накормить деревню. Но одновременно это вело к сокращению или ликвидации самих помещичьих хозяйств, наиболее товарных на тот момент в России. А думать следовало и о благосостоянии городов, и о получении ресурсов для дальнейшего развития.

Распределение земли среди крестьянства с большой долей вероятности вело бы к «капсуляции» деревни, при которой городу доставался бы минимум излишков. С этим, сделав ставку на аграрную программу эсеров, большевики столкнулись в итоге в период НЭПа. Достигнув опреде-

ленного улучшения, деревня остановилась в своем развитии, перестав в полной мере удовлетворять нужды города. В городах вновь пришлось вводить карточки на продовольствие.

Но по-другому и быть не могло — за прошедшие годы на селе не произошло кардинальных изменений, никуда не делась крайне низкая производительность труда, архаичные методы землепользования, практически полное отсутствие современных машин и технологий. Дать больше, чем деревня давала, она уже не могла. Раздача земли крестьянам, таким образом, помогала лишь накормить самих крестьян.

Но и это было не самым главным из зол. Куда более значительной в стратегическом плане развития государства являлась именно аграрная перенаселенность по сравнению с предельно малой численностью городского населения. Для развития промышленности требовались немедленные меры по изменению сложившегося положения: огромные крестьянские массы требовалось направить в города в качестве рабочих рук. Эти рабочие руки требовалось обеспечить работой. Распределение земель между крестьянами отнюдь не способствовало решению такой задачи.

Фактически Россия в начале XX века столкнулась с неизбежностью раскрестьянивания — иных способов выдать рабочую силу из деревни не было. Спектр возможных альтернатив сужался до минимума. В свое время Англия кардинально решила аналогичную проблему путем «огораживания» — массы крестьян были насильно согнаны со своей земли. В течение нескольких десятилетий в стране, ранее покрытой сетью деревень, была искоренена массовая аграрная культура. Бывшие крестьяне, лишённые дома и всяких средств к существованию, отчасти пополнили рабочий класс, отчасти городское «дно». Создав, однако, тем самым и рынок дешевой рабочей силы, чем способствовали развитию капитализма.

В Российской империи попытка правительства провести относительно мягкую — по сравнению с британским аналогом — аграрную реформу (стольпинская реформа), сделать ставку на кулака в ущерб середняку и бедняку, с неизбежным выделением последних в безземельный деревенский, а затем и городской пролетариат, встретила яростное сопротивление крестьянской массы. Реформа, сделавшая ставку на 10 процентов зажиточных крестьян, провалилась под революционным давлением 90 процентов бедных земледельцев. Деревня категорически отвергала попытки внедрения капиталистических отношений в своей среде.

Но провал «мягкой» реформы еще более сужал спектр возможных действий — Россия стремительно шла к мальгузианской резне, раскрестьяниванию самыми жесткими, силовыми методами. Развитие событий по такому сценарию помешало революционный взрыв.

Впоследствии все революционные партии, исключая большевиков, вынуждены были считаться с требованиями крестьянской массы — основной движущей силы революции. Но тем самым, решая «бытовую» срез аграрного вопроса, они откладывали окончательное разрешение главной проблемы революции на неопределенный срок. Ведь вызов, стоящий перед страной, заключался в необходимости накормить всех, а не только отдельный класс, получая при этом достаточно ресурсов для дальнейшего промышленного развития страны. Нефти и газа, с горем пополам спасающих современную Россию вот уже 20 лет, на тот момент у государства не было.

То, что длительное время не было видно изнутри страны, точно отметил в своих работах британский дипломат, историк и советолог Эдвард Карр: «Приемлемого решения аграрной проблемы в России не могло быть без повышения ужасающе низкой производительности труда; эта дилемма будет мучить большевиков много лет спустя, а ее нельзя разрешить без введения современных машин и технологии, что в свою очередь невозможно на основе индивидуальных крестьянских наделов».

Каким бы шокирующим ни выглядел этот вывод, но только Сталин, проведя коллективизацию, пришел к окончательному разрешению аграрного вопроса. Только в 1930-32 годах Россия вырвалась из порочного круга, в котором повышению производительности труда, механизации сельского хозяйства мешала его архаичная структура, которая не была приспособлена и не

соответствовала задачам промышленного роста, без чего не было возможности осуществить механизацию и т.д.

Именно Сталин, таким образом, завершил русскую революцию, набравшую обороты с отмены крепостного права в 1861 году. И это завершение было, пожалуй, наименее кровавым из всех, которые готовила России история.

Абсурдно обсуждать необходимость сталинских преобразований. Альтернативой им могла служить лишь «справедливая» деревенская пастораль отброшенной в аграрную фазу страны. Абсолютизировать «идиотизм деревенской жизни» в России XX века означало бы закладывать основы новой революции... или неизбежной утраты суверенитета.

Сегодня многое говорится о Советах, уничтоживших самое массовое сословие России — крестьянство. При этом забывается, что самым массовым «сословием» в СССР стали инженеры. Это обычный путь индустриального государства. Крестьянская страна просто не справилась бы с вызовами XX века.

Резюмируя сказанное в этой и предыдущей статьях, можно заключить, что формационный подход в применении к революциям 1905-1917 годов хоть и дает большой материал для анализа, но не позволяет сделать окончательных, однозначных выводов о событиях вековой давности. Но использовать его необходимо — ведь принципами, заложенными в марксистском анализе, пользовались сами революционеры.

С другой стороны попытка выделить основной вопрос революции и рассмотреть события в свете его разрешения показывает нам непрерывность революционного процесса, зародившегося во второй половине XIX века и прошедшего к своему логическому завершению лишь в 30-е годы XX века. Это позволяет по-новому взглянуть на весь революционный период, не исключая и «эпоху сталинизма».

В совмещении этих подходов нет принципиального противоречия. Доγμαтическое следование классовому подходу или, напротив, полный отказ от него еще ни одного исследователя или политика до добра не доводили.

Продолжение следует...

Глава из книги **Дмитрия Лыскова**
«Три революции»
Книгу в сети можно прочитать
на странице автора
users.livejournal.com/_lord_

Михаил Трофименков

У трех няnek поп без глаза

Александр Ионин (Сергей Маковецкий) – один из священников так называемой Псковской православной миссии, рекрутированных нацистами летом 1941 года в Латвии и Эстонии. 18 августа первые из них приехали в оккупированную Псковскую область «возрождать православие». Естественно, на христианство нацистам было плевать: попы требовались, чтобы держать в узде население.

Фильм о попе, на свой страх и риск воскрешающем церковную жизнь в любой точке колоссальной оккупированной территории СССР, не вызывал бы никаких вопросов. И был бы действительно фильмом о нравственном выборе. Но Псковская миссия – другое дело: эти священники – штатные идеологические работники Рейха. Глава миссии – протопресвитер Кирилл Зайц – рассылал им циркуляры: доносить СД о партизанах и неблагонадежных, отслужить 22 июня 1942 года молебен за победу германского воинства. Разница между тем священником, о котором фильм не снят, и «псковичами» такая же, как между рядовым «власовцем» и самим генералом Власовым. Рука не поднимется кинуть камень в красноармейца или лейтенанта, пошедшего служить немцам, чтобы спастись из неопишемого ада лагерей военнопленных. Но генералы, высшие офицеры – предатели без кавычек. Не для того они делали профессиональную военную карьеру, чтобы присягать Гитлеру: генералы должны погибать, но не предавать.

В истории Псковской миссии есть еще один щекогливый момент. Благо бы ее сотрудники были священниками РПЦЗ, изначально поддержавшей нацистов: взятки гладки. Но латвийские и эстонские прихожане находились в ведении РПЦ, а патриарший местоблюститель Сергей (Страгородский) призвал православных христиан защищать родину. Так что миссионеры предали и страну, и церковь.

Почему фильм снят именно о них – секрет Полишинеля. Это был личный заказ покойного Алексея II: но и он хотел реабилитировать не миссию в целом, а своего отца Михаила Ридигера, к миссии причастного, во всяком случае, служившего в оккупированной Эстонии, но – надо же! – не репрессированного, а, напротив, сделавшего недурную карьеру в СССР.

Миссию – это понимают и Владимир Хотиненко со сценаристом Александром Сененем – трудно оправдать. В своей публицистике Сенен выдвигает совсем безумную версию о том, что её костяк составляли агенты НКВД, оставленные «под прикрытием», чтобы развернуть на Псковщине разведывательно-диверсионную работу. Ссылаются на воспоминания генерала Павла Судоплатова: его личным, законспирированным даже от судоплатовского начальства агентом якобы был организатор миссии Сергей (Воскресенский). Плевать, что мемуары Судоплатова – палимпсест: не разберешь, где кончаются воспоминания, где начинаются провалы в памяти, а где – литературное творчество сына-публикатора. Вышел бы отменный фильм – о священниках-диверсантах: Тарантино умер бы от зависти.

Но в фильме преобладают банальности, что, впрочем, не исключает здоровой доли абсурда. В самом на-

чале фильма отец Александр дружелюбно беседует с соседом-евреем, озабоченным увлечением дочери Хавы христианством. Чуть позже – крестит Хаву: отныне она Ева. Её семью убьют, из-за чего она, на диво, не прольет ни слезинки, а саму Еву приютят на время войны поп с попадшей Алевтиной (Нина Усатова). Надо полагать, если бы она не крестилась, её бы тоже убили. А те, кого убили, погибли потому, что не обратились в истинную веру, – так что ли получается?

Зачем потребовалась Хава-Ева, понятно: чтобы никто не обвинил авторов в антисемитизме. Зачем её крестили перед тем, как спасти, тоже понятно: чтоб и на елку сесть, и птичку съесть, и РПЦ не дразнить. Перестраховались, одним словом. Хотиненко я знаю, Сенен не знаю лично, но подозревать их в антисемитизме у меня нет оснований. Появились подозрения лишь после столь назойливой демонстрации своей юдофилии в «Попе». Ведь антисемит это тот, у кого «все друзья – евреи».

Спаси Александр и Алевтина одну Еву, это было бы еще полбеда. Но число спасённых растёт в геометрической прогрессии. К Еве прибавляется окруженный, вскоре уходящий в партизаны. Потом – стайка детей, называющих себя «беженцами из Ленинграда». Какие же могут быть беженцы из Ленинграда на Псковщине летом 1942 года? Там даже эвакуированные вряд ли могли бы оказаться. Потом – до кучи – поп привозит детей из концлагеря Саласпилс. К 1944 году в его доме ступить негде: просто чудо – что за просторные хоромы! – везде кто-то прячется. Да так хорошо прячется, что немцы ничего не подозревают. Даром что один из них, остзеец Иван Федорович Фрейгаузен, у попа столуется, дрова колет. Но он душка. Подтолкнул забуксовавший грузовик, на котором оккупанты вешали партизан, только для того чтобы девушка, судорожно цепляющаяся за жизнь, не мучилась. Отец Александр на Фрейгаузена за это было обиделся, но очень быстро позабыл.

Разве можно сравнивать воспитанного палача Фрейгаузена с грубым особистом, который после освобождения Псковщины врежет попу по затылку револьвером и сошлет в ГУЛАГ?

Оккупация – оргия гуманизма. Попу всё сходит с рук. Попытка помешать казни партизан. Отказ молиться за победу немецкого оружия. Брюзжание в духе: «Гитлеры приходят и уходят». Отказ отпевать убитых полицаяев. Это вообще как? Разве священник может отказать кому бы то ни было в отпевании? А если он такой молодоговардеец, то чего его занесло в Псковскую миссию? В партизаны, папаша, в партизаны!

Наверняка были священники, которые прятали окруженцев, евреев, «беженцев из Ленинграда». Но, наверное, большинство из них всё-таки не служило в Псковской миссии. И подвиг одного такого священника не оправдывает само существование миссии. И наверняка никто не был в состоянии спасти жертвы нацизма в промышленном количестве. Если бы каждый священник выполнил хотя бы половину нормы отца Александра, то немцам просто некого было бы вешать и расстреливать.

Если оставить в стороне мантры о

безбожном большевизме, «неоднозначную» коллизию еще в июне 1941 года разрешил поэт Николай Глазков, изобретатель термина «самиздат» (в его версии – «самсебяиздат»), «летающий мужик» из пролога «Андрея Рублева» и вопиюще «несоветский» человек: «Господи, вступись за Советы, / Охрани страну от высших рас, / Потому что все Твои заветы / Гитлер нарушает чаще нас». Вот и всё. И этого достаточно.

У «Попы» слишком много заказчиков. Первый – Алексей. Затем – Администрация президента (АП), возмнившая себя идеологическим отделом ЦК: им хотелось что-нибудь духоподъемное, наше, православное. Но, в отличие от ЦК, в АП сидят люди, не блюдущие некую идеологию, а играющие в идеологии как в пиар-проекты. Им наплевать на всё нематериальное, включая православие. Есть на экране поп, купола, обряды – ну и славно, галочка в отчете проставлена.

А еще «Поп» органично совпал с фашистским креном в умах «либералов», вытекающим из вульгарного антикоммунизма. Гавриил Попов обнаружил, благодаря тибетским практикам, что внутри него живет генерал Власов, предтеча, по Попову, академика Сахарова. Сахаров, прояснившись: Попов сошел с ума. Валерия Новодворская изошла от восторгов перед генералом Красновым, мало того, что конкретным пособником нацистов, так еще и – даже не антисемитом – «жидоедом». «Либералы» любят Маннергейма и Пиночета. Теперь вот – Псковская миссия.

Кстати, также из области «либеральной» мифологии происходит вторяемая в фильме мерзость: дескать, нацисты истребляют пленных, потому что Сталин не подписал Женевскую конвенцию. Хорошо, забудем на минутку, что всё же подписал. Но Сталин-то немецких пленников не истреблял миллионами. А Гитлер, чью подпись под конвенцией никто не оспаривает, истреблял. Когнитивный диссонанс, однако.

Итак, «Поп» – дитя, по меньшей мере, тройного заказа. А не то, что у семи, – даже у трёх няnek дитя без глаза. Дьявол, как всегда, прячется в эстетике, точнее говоря, в пределах эстетики, на которую способен режиссер Владимир Хотиненко.

Хотиненко – не пропагандист. Социальные заказы он получает не потому, что душа его пылает, а в силу близости к Никите Михалкову. Он никогда не был «западником», а всегда – патриотом и почвенником, но не агрессивным. Один из его лучших фильмов – «Рой» (1988), экранизация романа самого что ни на есть мохнатого почвенника Сергея Алексеева, из которого он сотворил эдакого «сибирского Гарсио Маркеса».

Хотиненко – в силу своего режиссерского темперамента – не способен на трагизм. На трагизм, вообще, способен очень немногие режиссеры. Вайда. Балабанов. Дюмон. Лоуч. Тарантино. Ханеке. Из наших молодых режиссеров способна, например, Катя Шагалова. Но фильм Хотиненко об Отечественной войне? Сбивайте меня палками.

Хотиненко – скажем так, – не интеллигент. Приколист. Достаточно вспомнить «1612» – фильм, в котором он ни с того ни с сего, вопреки любому заказу, поиграл в «Пятницу, 13-е», в фильм плаща и шпаги, в общем, пои-

грал в то, что его левой ногой хочется. Такое своеволие может сойти с рук Сергею Соловьеву, честно признающемуся, что он и сам не понимает, что такое его «2-АССА-2». В «Попе» же у этих игр – привкус шизофрении.

Захотелось режиссеру взглянуть на мир глазами мужика, с которой беседует поп, – и взглянул. Наверное, интересно было имитировать фасеточное зрение. Но зачем этот барочный трюк в фильме, снятом, если выражаться с марксистской прямоотой, «благословенно никак»? Да и сценарий написан точно так же. В нем нет никакого действия, развития: не физического, а внутреннего. Механическое сочленение эпизодов, в каждом из которых поп совершает что-нибудь хорошее. А сколько бы еще совершил, если бы не пришла Красная армия и всё не испортила, – страшно и подумать.

Происходит неизбежное. Фильм превращается в большую вампуку, Хотиненко не держит интонацию. Вот попадья Алевтина передает через третьи руки попу прощальное письмо. Дескать, когда мы навещали лагерь военнопленных (кстати, подозрительно мордатых), я заразилась тифом и ухожу умирать. Затем мы видим Алевтину, которая, богатирской грудью пробивая дорогу в сугробах с человеческий рост, бредет по лесу, да еще и с песнями. Заплакать можно только от смеха: с тифом шутки плохи, заболел им, не то что не распугаешь пением всю живность Псковщины, но и столь длинного письма не допишешь.

Кстати, главная загадка фильма – почему письмо подписано: «Твой точильный камень». Точильный камень, помнится, насадила на ногу мужу обезумевшая героиня Шарлотты Гинзбург в «Антихристе» Ларса фон Триера. Страшно даже представить настолько возвышенные отношения между супругами, если муж называет жену «точильным камнем». Впрочем, каких только сексуальных игр не бывает.

В полный разнос фильм идет в эпизод, датированном 1978 годом. У стен монастыря застревает машина, набитая молодыми мажорами, чей каскетник оглашает округу «Вавилонскими реками». Почему именно эта песня «Boney M» оказывается метафорой молодежной бездуховности – тайна сия велика есть. Не «Симпатия к дьяволу» же, в конце концов. Издалека ковыляет скрюченный ГУЛАГом поп. Мажоры насмеются над ним, но одновременно проснутся обитель, чтобы укрыться от дождя и перекусить.

Знаем-знаем, чем кончатся в фильмах ужасов такие насмешки над внешне безобидными старичками. Хотиненко тоже знает. С доброй улыбкой людоеда смотрит отец Александр на молодежь: дескать, ведаю, что вы сделали прошлым летом. «Заходите, детки. А там видно будет». Не слушайте его, детки. Бегите, детки, бегите и не оглядывайтесь. А то станете героями сиквела «Поп-2: Кровавая обитель».

P.S. В интервью Newsweek (5-11 апреля) Сергей Маковецкий рассуждает о провидении. «А что, иначе как не провидение, было, когда немцы вошли в Петербург и повернули назад?» No comments.

www.fontanka.ru

Газета
«Точка Ру»

Зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соб-

людением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26364 от 30 ноября

2006 года. Учредитель ООО «Точка Ру» Гл. редактор Шабунин Е.В. Адрес редакции 610002, Кировская обл., г. Киров, ул. Урицкого, д. 36/1 т. 8(922) 903-37-76

Цена свободная. Издаётся с марта 2007 года. выпуск № 7 (43) Печать офсетная. Объем 2 печатных листа. Тираж 2000

Заказ №239 Подписано к печати по графику 31.05.2010 в 08.00 по факту 31.05.2010 в 08.00 Отпечатано ООО «ФОНТ» г. Киров ул. Щорса, д. 64 тел. 503-660, 504-506

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых материалов.

Факт отправления статьи в редакцию считается добровольным согласием автора на публикацию статьи.

Информацию по подписке и распространению можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru, а также написать письмо на redaktor@orossii.ru